

Человек по обе стороны стены
(Excerpt in Russian)

Translated by: Nadežda Starikova

Contact of the translator: nstarikova@mail.ru

Суббота. Душная, как все субботы летом в Буэнос-Айресе. После обеда весь одуревший от жары он возвращался с работы, и его путь домой был совсем не такой, как раньше: он был прекраснее и значительно печальнее. Такой дорога домой бывала всегда, когда он в последний раз возвращался с работы в том месте, откуда собирался уехать.

С порога он медленно окинул взглядом чемоданы, стоящие в ряд уже неделю.

«Так вы уезжаете завтра?», – спрашивает хозяйка из двери кухни на другом конце узкого коридора, вытирая фартуком капли пота.

«Завтра». Он улыбается ей и продолжает про себя: «Мне могли и раньше дать понять, что староват я для такой работы...» .

«Вы, эмигранты, в сущности, счастливые люди. Вы с легкостью покидаете любое место, ведь вас здесь ничего не держит». Он только кивнул. «Жаль, я бы хотела познакомиться с вашей женой, – продолжила хозяйка, – Мария... Помните, как вы как-то сказали, что не любите ее имя, потому что в Европе каждая вторая женщина при крещении получает имя Мария?».

Хозяйка, видя, что ему неловко, торопливо добавила: «Бедняжка! Бог знает, что она должна была без вас пережить. Теперь-то будет лучше, – многозначительно подмигнула она, – вы, вон, еще какой крепкий».

«Может, я как-нибудь привезу ее сюда, и вы познакомитесь».

«Я бы с радостью, – последнее слово хозяйка произнесла с растяжкой, и по ее лицу было видно, что она размышляет о чужестраке. – Я вам завтра еще завтрак приготовлю».

Он кивнул и молча отошел от двери, чтобы выйти из поля ее зрения и тем самым быстрее прервать разговор. *Я вам завтра еще завтрак приготовлю...Завтра...Еще...* Одно единственное слово вернуло его в суровую действительность. В которой есть все: прощание, предвкушение прощания и что хуже всего – одно сплошное ожидание.

Он всегда хотел уехать из Буэнос-Айреса, и вот теперь время пришло. *Больше я не пробуду в нем ни одного дня*, сказал он себе и подумал о жене. Он снова увидит ее почти через пять лет.

Его взгляд скользит по убранную комнату, при виде раскиданных на постели подушек возникает ощущение, что он провел здесь пару ночей, как в какой-то заброшенной гостинице, а не прожил полтора года. Потом он направляется к окну. Взгляд продолжает скользить по пустым стенам, тут он поднимает брови. На двери висит календарь.

«Вот еще это, – произносит он, взяв календарь в руки. – Чуть не забыл». Возвращает на место страницу января, которую несколько дней назад перевернул на обратную сторону картонного основания, и, кладя календарь на чемодан, улыбается. *Тысяча девятьсот пятидесятый. У нас уже середина февраля, первый раз и речи нет о том, что мы обязательно в этом году двинемся обратно домой.* Он поднимает брови, словно задает себе вопрос. *Домой....?*

У дверей хозяйка опять громко шлепает тапками по шероховатому полу коридора.

Она не прочь с ним поболтать, но он замер, чтобы она точно его не услышала. Даже рук не поднимает, чтобы вытереть пот, стекающий с бровей. Ему кажется, может, и ошибочно, что каждое слово приносит вред.

Хозяйка вечно хотела узнать что-то о его, жене, она была простодушна, и ему трудно было перевести разговор на другие рельсы. Он все еще боялся быть откровенным, все еще испытывал то неприятное ощущение, закравшееся в душу тогда, во время войны и не отпускавшее позднее, когда он, оказавшись на свободе, кружил по Европе. Не хотел говорить ни о себе, ни о близких и, встречаясь с иностранцами, всегда имел наготове новое имя и фиктивный адрес.

А захоти он рассказать, разве она смогла бы понять? Рассказал бы, как жена не смогла получить разрешения выехать в Аргентину, но все равно сбежала, пересекла четверть мира, чтобы добраться до какого-то места у реки где-то на северной границе, чтобы там ждать его; что именно сейчас она его ждет, что он ее заберет и что там, на далеком конце земли они продолжат совместную жизнь, продолжат там, где были вынуждены прервать ее четыре года назад, через год после свадьбы...

Ему вообще никогда не нравилось говорить с хозяйкой, может, кроме тех первых недель, когда он вернулся из Мисьонеса и был счастлив, что у него есть немного денег и что в этом миллионном беспорядочном городе он нашел спокойную работу и комнату поблизости. Тогда в коридоре он был более оживлен и склонен к разговору. Еще и потому, что видел: о нем заботятся больше, чем он мог ожидать. К тому же тогда, в первые дни, ему втемяшилось в голову, что рано или поздно они станут близки.

Теперь, глядя на хозяйку чуть ли не с пренебрежением и вспоминая все пустые слова, которыми они обменивались последний год, он вообще не может поверить, что когда-то мог думать о чем-то, кроме того пути, который неизбежен, коль скоро он готов начать новую жизнь.

Он сворачивает календарь и оглядывает чемоданы и узлы, ища, куда бы его засунуть. Два месяца назад прошел его последний рождественский вечер в этом жарком городе. Господи! Как и два предыдущих сочельника весь потный он давился в подклети церкви района Бельграно среди незнакомых соотечественников. Хотел добраться до какой-нибудь колонны, чтобы ощутить ладонями холод, но не смог оторвать ступни от пола. Над потными головами разносились старые рождественские песни; он закрыл глаза и подумал о снеге. Пот прокладывал себе дорогу по лицу и шее, и мужчины, вытирая лбы ненароком вытирали и глаза. Зачем это все?! После полуночи каждый несколькими кружками пива восполнял жидкость, отданную вместе с потом. Только слезы было не восполнить.

«Жарко. Дорога будет чертовски жаркой, но потом там, на севере все будет по-другому. Там жара сухая», – говорит он себе и вспоминает о старом Грондона.

Это было около двух лет назад. Прохладным солнечным утром он шагнул с парохода на причал. Ночью на реке Парана был такой туман, что капитан приказал стать на якорь у берега. Он злился на капитана, потому что опаздывал: девять дней назад судно ушло из Буэнос-Айреса, и еще два дня назад они должны были пришвартоваться в Пуэрто -Игуасу. Но три последние ночи ждали до утра на якорю посреди девственного леса, чтобы плыть дальше.

Он повернулся к широкой реке. Глаза тонули в чаще густого леса, он глубоко вдохнул и произнес: «Ну вот, я здесь. Знать бы, правильно ли поступаю».

Туман, двигаясь с реки, обнажил гребень и поднялся кверху. Никого не было; на улице два-три загорелых лица, принадлежащих блондинам, перемежались с лицами негров и креолов, только выше, там, где раскисшая красная дорога поворачивала к домам, толпилась кучка людей. Когда, швартуясь, пароход дал гудок, только дети на мгновение обернулись в сторону порта, и было видно, что до пассажиров у борта им нет никакого дела.

Он медленно шагал вверх. Не доходя до группы несколько шагов, вытащил из кармана листок с адресом. Потом опять ухватился за чемоданы, но еле поднял и снова поставил. И тут посреди почти неподвижной толпы заметил лежащее на земле огромное мертвое тело.

«Сегодня утром выбросило на берег», – отделившись от основной массы сказал ему кто-то, увидев, что незнакомец одет по-иностранному. Он едва его понял.

Труп ужасал своими размерами. «Это нечто, лежащее там, никогда не могло ходить, – подумал он. – На двух ногах во всяком случае...». Потом пригляделся – перед ним был морской сом; вода выбросила его на берег. «Даже вода его не захотела, отторгла... Разумно ли, что я послушался жену и приехал сюда, – вот вопрос...».

Плечистый мужчина вышел из толпы. Он подошел к нему и показал листок.

«Сан-Антонио».

Мужчина взглянул на него, но не ответил. Он еще раз спросил, теперь по-итальянски, где возле порта остановка автобуса, тут тот засмеялся и кивнул. Вернул листок, сделал несколько шагов, обернулся и показал головой в сторону красноватого дома среди деревьев, над которым блестела огромная жестяная бутылка.

«Автобусов нет! Здесь цивилизация кончается ... Там спросите! Там едят шоферы. Может, кто и поедет за бревнами».

Грузовик с грохотом мчался по красной земле. Водитель лениво крутил руль, время от времени поглядывая на иностранца, который с изумлением смотрел в полуоткрытые окна. Дорога все больше сужалась, под колеса все чаще попадали гигантские папоротники, бамбук все гуще обступал колею.

«Вам повезло. На этой неделе туда больше никто не поедет. И эти чертовы бразильцы тоже не ездят. Пойдут дожди, и все бояться застрять на неделю среди чащи».

«Змеи?», – спросил он, чтобы что-то сказать.

«Нет, господин!». Этот «господин» не был знаком уважения, а просто обращением к тому, кто ничего не понимает. «Змеи сейчас спят». Тут водитель с любопытством повернулся к нему из-за руля. «Вам что, не нравится?».

Он только кивнул в ответ.

Водитель прыснул, показав почти полностью щербатый рот. «Все вы оттуда - он имел ввиду с юга - такие. – Никто в эти дни не хочет пускаться в путь, потому что все бояться застрять в болоте. Вы еще увидите, какая здесь земля, когда дожди начнутся! Еще минимум неделю после дождя колеса будут буксовать. Кто умеет читать, тому в дождь какое-никакое развлечение, а так – тоска зеленая!».

«Вот уже несколько лет я бегу из страны в страну. Если у родственников жены все будет так, как они писали, может, в один прекрасный момент все закончиться», – размышлял он под разглагольствования шофера.

«А я не боюсь застрять. Я должен ехать, ведь гол как сокол, в кармане ни гроша. Три месяца не работал». Он ждал, что иностранец задаст вопрос, но так как его не последовало, снова обернулся к пассажиру. Снял руки с руля и скрестил запястья. «Три месяца!». С загадочной улыбкой повернулся к спутнику и многозначительно добавил: «Женщины!».

Они ехали мимо шумных водопадов Игуасу. Он их не видел, но совсем рядом слышал их гул, доносившийся прямо из-за деревьев у дороги. Кое-где на небе было видно марево, и водитель объяснил, что оно появляется над жерлами некоторых водопадов. Потом гул постепенно остался позади.

Машина, размеренно урча, продвигалась по лесу. Иногда они въезжали под деревья, и тогда казалось, что на землю вдруг спустилась тьма, мимо окон раскачивались лианы. Казалось, они хотят обвить грузовик и остановить его. Густой кустарник, росший по обеим сторонам красной дороги, хлестал по фарам.

Он устал, но заснуть боялся. Сперва они с водителем обменялись парой фраз: он рассказал, что почти четырнадцать дней назад приехал из Европы, что направляется на север, чтобы попасть к шурина, брату жены, который прибыл морским путем еще двадцать лет назад и живет с дочкой в Сан-Антонио.

«Вы знаете, в каком конце города они живут?», спросил водитель.

«Нет. Знаю только, что должен приехать в Сан-Антонио и найти трактир некого Грондона. Оттуда меня проводят в усадьбу шурина».

«Как фамилия семьи?».

«Маринич».

Водитель отрицательно покачал головой, дескать, имя ему ничего не говорит. Потом, как уже несколько раз происходило раньше, на полчаса затих, чтобы снова вернуться к предмету разговора: «Вчера я поздно лег...». Но в это время иностранец обомлел от громадных диких орхидей, удивительных желтоватых и кровавых оттенков, потом ему пришлось обеими руками защищать лицо, отмахиваясь от стай голубых блестящих бабочек, и шофер сменил тему. «Там, в этом Буэнос-Айресе ничего особенного... Был я там однажды, так меня обокрали, пока спал. Прямо сказать, ничего интересного там нет ... Часа через три будем в Сан-Антонио».

Виражи закончились, и машина понеслась по ровной колее, прятанной среди деревьев.

Его охватила сонливость. Водитель предложил маленькие сладкие бананы, которые он жевал в полудреме. Потом сообразил, что человек за рулем что-то ему объясняет и задает вопрос: «Вы намереваетесь здесь остаться?».

«Не знаю. Я не знаю даже, куда еду...».

«Стоит купить землю. Надо здорово горбатиться, если хотите заработать, но оно того стоит. Хотя, вы уже в годах, чтобы начинать работать на земле».

Уже в годах? Он-то чувствовал себя вполне крепким, и слова водителя слегка зацепили, но он промолчал. Снова вглядывался в густые кроны деревьев, задерживал взгляд на изогнутых стволах, наполовину скрытых плющом и светлыми колючими вьюнками. Разве можно было подумать в Триесте, еще перед отъездом в Южную Америку, что он будет ехать по этим дорогам кровавого цвета, врубленным в вереск и сумрачный лес? Даже после последнего письма жены, в котором та сообщила адрес брата, он не мог себе представить, что на земле может существовать такое богом забытое место, где заканчивается цивилизация. «Мой брат вдовец, несколько лет назад у него умерла жена, поэтому он с дочкой с радостью ждет каждого земляка, не говоря уж о тебе...».

«Это немного в стороне, – произнес водитель, но до старого Грондона я вас довезу. Не уверен, но думаю, я его знаю. Будь у меня такая фура, как у бразильцев, что возят лес, мы бы были на месте около десяти... Если тут останетесь, точно познакомитесь с каким-нибудь бразильцем. Остерегайтесь их! Настоящие бестии. С ними и в церковь вместе не ходи, понимаете? *Ni a misa!*».

Он презрительно поморщился. «Бразилец?». Согнул запястье и ребром ладони начал рассекать воздух перед собой, словно отгоняя кого-то невидимого на подходящее расстояние и повторял: «*Aire! Aire!*»/

Дальше снова был слышен только звук мотора.

Он взглянул на водителя, обуянного злобой, и сказал себе: «Мы уже рядом с границей... Тут уже распри...».

«Однако, – продолжал водитель, – которого пренебрежительные выражения, сорвавшиеся с уст, отнюдь не смягчили, – будет поздно и вам не стоит на ночь глядя двигаться дальше. Завтра вас Грондона или кто-то еще проводит до *chacra*...».

Около полуночи за деревьями замигали первые фонари. Сан-Антонио. Их встретил сонный старый белоголовый Грондона, хозяин ветхого трактира на единственной улице на окраине деревни. Старик оживился, когда водитель сказал, что с ним иностранец.

«Он ищет своего шурина, который живет с дочкой где-то здесь недалеко», – начал водитель, кивая в сторону мужчины, шедшего от грузовика, дескать, дальше тот продолжит рассказ сам.